УДК 316.472.4:316.77

КОЛПИНА Л.В.,
РЕУТОВ Е.В.

Потенциал социально-сетевых отношений и барьеры на пути их формирования[1]

В статье на основе эмпирических данных доказывается, что в социальных сетях, формирующихся в среде населения региона, в основном реализуется адаптационный потенциал. Он актуализируется в практиках взаимопомощи, организованных на основе реципрокного обмена. Консолидационный потенциал социальных сетей не реализуется из-за комплекса барьеров, среди которых наиболее важными являются колоссальная дифференциация населения по социально-экономическому признаку и низкий уровень социального доверия.

Ключевые слова: социальные сети, барьеры социально-сетевых отношений, потенциал социальных сетей.

В последние годы в обществоведческом дискурсе все чаще обсуждается возможность описания социальных систем как сетевых структур. И этому есть объяснение. Ведь социальные сети как комплекс относительно стабильных и долговременных межличностных контактов неформального характера, не имеющих выраженной организационной структуры, составляют «новую социальную морфологию наших обществ»[2], играя важную роль в обеспечении индивидуального и общественного благополучия.

Речь идет о межличностных связях и отношениях, позволяющих оптимизировать процессы жизнедеятельности: существенно ускорять, облегчать и «удешевлять» бизнес-процессы, содействовать «упрощенному» доступу к общественно значимым благам и возможностям (использование знакомств, связей), обеспечивать распространение и циркуляцию информации, идей, ценностей, общественных практик и в конечном итоге способствовать социальной адаптации индивидов и их консолидации в решении общих проблем. Указанные возможности представляют собой потенциал, который может быть реализован либо заморожен в тех случаях, когда социальные сети представляют собой номинальные, преимущественно «спящие» структуры.

Целью данной статьи является эмпирический анализ реализации социальными сетями, формирующимися в среде населения региона, их потенциалов (прежде всего адаптационного и консолидационного), а также препятствующих этому барьеров. Эмпирической базой настоящей статьи послужил социологический опрос, проведенный в Белгородской области в 2010 г. на тему «Эффективность социальных сетей в региональном сообществе» по репрезентативной региональной выборке (руководитель – доцент Е.В. Реутов, N=1000). Для отбора респондентов использовалась квотная методика. Структура выборочной совокупности соответствует социальной структуре населения области по признакам: пол, возраст и тип поселения.

Результаты исследования показали, что потенциал социальных сетей достаточно интенсивно используется населением региона для решения разнообразных жизненных проблем, содействуя его социальной адаптации. В наибольшей степени это выражено в практиках взаимопомощи, являющихся достаточно массовым социальным феноменом. В течение последних двух лет, по данным опроса, личные связи задей-

ствовали: для получения медицинской помощи, социальной поддержки, льгот – 46,5%; для поиска работы, трудоустройства – 26,1%; для защиты прав – 26,0%; для регистрации имущественных и иных прав – 15,5%; для улучшения жилищных условий – 15,0%; для организации собственного дела – 11,5%; для устройства в образовательное учреждение – 11,0%; в других целях – 3,9% опрошенных.

При этом, отвечая на вопрос «Насколько эта помощь существенна для Вас, Вашей семьи?», 32,8% респондентов указали на очень большую значимость помощи со стороны родственников, друзей и соседей и невозможность компенсации получаемых ресурсов из собственных источников. Практически столько же – 31,8% – указали на существенность данной помощи, хотя и на свои возможности обойтись без нее. Всего лишь 17,7% респондентов отметили несущественность подобной помощи, и столько же затруднились с оценкой (среди них – те 13,2%, которые, отвечая на предыдущий вопрос, сказали, что не пользуются такой помощью).

Таким образом, значимость адаптационного потенциала, заложенного в социальных сетях, для населения очевидна. Анализ *интенсивности обращений, выраженной в наличии и частоте* (несколько раз в год, раз в месяц, раз в неделю, чаще, чем раз в неделю) *оказываемой помощи*, *поддержки,* позволяет выявить тип социальных связей (по субъекту взаимодействия), который более преобладает и, напротив, мало реализуем.

Исследование показало, что наибольшей интенсивностью обладают социальные сети, функционирующие на основе *кровнородственных и дружеских связей.* Так, прибегают к помощи родственников, проживающих отдельно, 75,7% опрошенных, а сами помогают родственникам 83,1% респондентов. Таким образом, в социальные сети, сформированные на основе кровнородственных отношений, вовлечено подавляющее большинство респондентов. Высокий *уровень использования потенциала родственных сетей* (*высчитанный по доле респондентов, осуществляющих помощь и одновременно пользующихся поддержкой хотя бы раз в неделю и чаще*) демонстрируют 21,7% респондентов; высокий уровень оказания поддержки – 26,5% опрошенных.

Пользуются помощью друзей 76,3% опрошенных, помогают им – 81,5%. *Высокий уровень использования ресурса сетей, сформированных на основе дружеских связей, демонстрируют 15,1%; высокий уровень оказания поддержки – 20,7% опрошенных.*

По сравнению с вышеописанными социальными связями ресурс иных социальных контактов используется в гораздо меньшем объеме. Так, к помощи со стороны *соседей* прибегают 48,9% респондентов. Сами помогают своим соседям 58,5% респондентов. *Высокий уровень получения помощи соседей демонстрируют 15,3%; высокий уровень оказания помощи – 7,3% опрошенных.*

На несколько более высоком уровне находится востребованность ресурса социальных связей, сформированных на основе *общей трудовой (учебной) деятельности*. Так, в целом к помощи коллег прибегают 51,6% респондентов; сами помогают своим коллегам 59,2% респондентов. *Высокий уровень получения помощи от своих коллег демонстрируют, таким образом, 11,4%; высокий уровень оказания помощи – 15,4% опрошенных.* Помощью со стороны руководства организаций, в которых работают респонденты, пользуются 28,8% опрошенных; самим приходилось оказывать помощь своему руководству 30,8% респондентов. *Высокий уровень использования данного ресурса социальной поддержки показывают всего 4,4%; высокий уровень оказания поддержки – 6,6% опрошенных.*

Помощью со стороны *церкви, религиозных общин* пользуются в целом 18,8% респондентов; самим приходилось оказывать помощь религиозной общине 15,7% респондентов. *Высокий уровень использования ресурса социальной поддержки со стороны религиозной общины, таким образом, характерен всего для 2,6%; высокий уровень участия в оказании социальной поддержки – для 1,8% опрошенных.*

Приходилось получать помощь со стороны членов землячеств в целом 9,6% опрошенных. Об оказании помощи членам землячества сообщают только 9,1% опро-

шенных. При этом все значения ее интенсивности находятся в пределах статистической погрешности (от 0,9% до 4,7%), а потому не показательны[3].

Анализ практик взаимопомощи показывает, что при сравнительно высокой значимости ресурсов, заложенных в социальных сетях, тем не менее их адаптационный потенциал реализуется преимущественно в пределах малого социального радиуса (кровнородственные и дружеские связи) и не перерастает в те или иные формы социальной самоорганизации и общественной активности.

Население, как правило, не склонно решать проблему дефицита индивидуальных ресурсов через те или иные формы гражданского активизма – участие в общественных организациях, другие формы консолидированных действий. По данным исследования, 37,7% респондентов являются участниками тех или иных негосударственных объединений. Но для 51,8% из их числа такое членство является формальным, и еще 12,5% опрошенных затруднились ответить на данный вопрос, что, видимо, позволяет их отнести также к группе последних. Это позволяет судить о том, что реальными членами общественных организаций являются не более 10% опрошенных. О низкой реализации консолидационного потенциала социальных сетей свидетельствует и то, что помощью *общественных организаций* пользуются только 10,3% респондентов, в*ысокий уровень использования ресурса социальной поддержки со стороны общественных организаций характерен всего для 1,3% опрошенных.*

Таким образом, можно утверждать следующее: социальные сети реализуют преимущественно адаптационный потенциал. Их функционирование выражается прежде всего в том, что их участники обмениваются ресурсами с той или иной степенью реципрокности. В то же время консолидационный потенциал социальных сетей остается неактуализированным – лишь в очень немногих случаях на их основе образуются устойчивые микрообщества.

Полученные в результате исследования данные позволяют предположить, что замораживание консолидационного потенциала социальных сетей обусловлено дисбалансом в их формировании, проявляющимся в их замыкании на «сильных связях» (кровного родства и дружбы) в ущерб слабым – с соседями, знакомыми, «знакомыми знакомых», формальными контактами на работе. В то же время, исходя из идеи Р. Патнэма о том, что социальные сети строятся на обязывающем (или исключающем «посторонних») и связывающем (включающем) социальном капитале[4] (возможностях, обусловленных принадлежностью к той или иной социальной группе, общности. – ***Авт.***), именно развитие «слабых» связей служит предпосылкой для социальной консолидации, тогда как «сильных» – содействует замыканию на узком круге отношений и в целом росту социальных перегородок.

В основе данного дисбаланса лежит несколько взаимосвязанных факторов или барьеров, наиболее важными из которых мы считаем низкий уровень социального доверия и высокий уровень социально-экономической дифференциации населения.

Социальное доверие, определяемое в соответствии со взглядами Э. Гидденса, Ф. Фукуямы, П. Штомпки как уверенность в надежности некоторой личности или системы относительно определенного комплекса последствий или событий[5], является наиболее значимым фактором создания социальных сетей[6]. Оно необходимо для формирования отношений сотрудничества и солидарности, разнообразных форм гражданских ассоциаций, а радиус социально доверия, в свою очередь, отражает широту и интенсивность социальных связей в обществе[7].

В связи с указанной взаимосвязью между характеристиками доверия и проблематичностью слабых типов социально-сетевых контактов (в противовес концентрации на сильных) показателен вывод В. Звоновского о специфике российского социума, заключающейся в том, что индивидуальное доверие функционирует только как личное, т. е. между знакомыми людьми. А безличное доверие между двумя незнакомыми людьми, являющимися представителями одного и того же общества, остается одним из са-

мых слаборазвитых элементов социального взаимодействия[8].

Низкий уровень социального доверия по мере увеличения «слабости» социальных связей – их социального радиуса – фиксирует и наше исследование. Его замер посредством вопроса-индикатора «Вы доверяете или не доверяете...(с указанием конкретных адресатов)» показал, что он снижается по мере увеличения масштаба социальных связей, а индекс доверия имеет положительное значение только на микросоциальном уровне. Так, большинству жителей дома, своего и соседнего двора (для поселка и села – улицы) в целом доверяют 47,3% респондентов (из них 13,2% однозначно ответили на данный вопрос, 34,1% – «скорее да, чем нет»). В целом не доверяют 41,7% (14,1% – однозначно не доверяют, 27,6% – «скорее нет, чем да»). Затруднились с ответом 11,0% опрошенных. Итоговый индекс доверия составил 5,6. Следует отметить, что это единственный уровень доверия, где позитивные оценки хотя и незначительно, но преобладают над негативными.

Большинству жителей города (поселка, села) доверяют в целом 27,5% (из них 4,2% однозначно ответили на данный вопрос, 23,3% – «скорее да, чем нет»). В целом не доверяют 58,6% (21,1% – однозначно не доверяют, 37,5% – «скорее нет, чем да»). Затруднились с ответом 14,0% опрошенных. Итоговый индекс доверия составил (-)31,1.

С учетом взаимосвязи между социально-сетевым взаимодействием и доверием становятся понятны результаты исследования Фонда «Общественное мнение»: «Российский георейтинг: социальный капитал субъектов РФ» (2007–2008 гг.), отразившие выраженную положительную зависимость между развитием гражданской культуры (связанной со способностью к общественной самоорганизации и консолидации. – ***Авт.***) и степенью доверия в отношении малознакомых людей, с одной стороны, и отрицательную – относительно того же, но в ситуации превалирующего доверия только к кругу близкородственных связей и кругу ближайшего общения – с другой[9].

Что касается второго барьера формирования и развития социально-сетевых взаимодействий – высокого уровня социально-экономической дифференциации, то анализ функционирования социальных сетей в региональном сообществе показал, что наиболее значимые различия по уровню социального доверия, специфике обращения к тем или иным социальным связям, конвертации социального капитала в другие виды капиталов и ресурсов и пр. коррелируют со значениями уровня материального благосостояния. Материальное положение индивида является ключевой детерминантой, определяющей доступ к общественно значимым благам, уровень и характер социальной активности населения, социальные практики и возможности социальной мобильности. И если, например, обеспеченные группы населения конвертируют социальный капитал в финансовый и образовательный, обеспечивающие активные формы социальной адаптации, то менее обеспеченные – в ресурсы, позволяющие только поддерживать существующий образ жизни и реализовывать пассивные формы социальной адаптации[10].

Проблема заключается в том, что группа малообеспеченных граждан, проще говоря, бедных, в российском обществе продолжает оставаться значительной. И если данные Федеральной службы государственной статистики за первый квартал 2012 г. свидетельствуют о доле населения, имеющего доходы ниже прожиточного минимума, в 13,5%[11], то данные социологических опросов еще более нелицеприятны. По данным Левада-центра (июль 2012 г.), категории населения, которые, по самооценке, «едва сводят концы с концами; денег не хватает даже на продукты» и у которых «на продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения» в совокупности составляют 32%[12].

Итак, подавляющая часть населения имеет возможность поддерживать только узкий круг социальных связей и отношений, что обусловливает фрагментированный характер социума, его социальную дезинтегрированность, разобщенность. В русле наших выводов о влиянии уровня

материального благосостояния на формирование социальных сетей того или иного типа находится позиция И. Штейнберга, который, опираясь на результаты интервью, отмечает, что в семьях с «материальными» проблемами круг знакомых сузился, а родственные связи укрепились. В «обеспеченных» семьях процесс идет в обратном направлении – связи с родственниками ограничиваются, а с друзьями «своего круга» и «полезными людьми» расширяются[13].

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет судить о том, что в социальных сетях, формирующихся в среде населения региона, в основном актуализирован адаптационный потенциал. Его реализация проявляется в практиках взаимопомощи, организованных на основе реципрокного обмена. Дисбаланс социально-сетевых взаимодействий проявляется в замыкании «сильных» связей и отношений на самих себя, что влечет за собой низкую возможность взаимопроникновения различных типов социальных сетей, слабую структурированность, выраженную фрагментацию регионального социума, препятствуя актуализации консолидационного потенциала.

В качестве наиболее явных барьеров социально-сетевых отношений выступают:

– колоссальная дифференциация населения по социально-экономическому признаку в ситуации, когда лишь небольшая доля граждан может быть отнесена к числу материально обеспеченных, а уровень материального благосостояния является ключевой и практически единственной детерминантой социальной успешности, эффективности граждан;

– низкий уровень социального доверия, обусловливающий неготовность граждан объединяться на основе общих целей и интересов для решения социально значимых проблем.

[1]Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ №12-03-00173 на 2012–2013 гг. на тему: «Барьеры социально-сетевых взаимодействий (региональный аспект)». Рук. Л.В. Колпина.

[2] Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология (под ред. В.Л. Иноземцева). М., 1999. С. 494.

[3] Об этом подробнее: Реутов Е.В., Колпина Л.В. Социоэкономические детерминанты социального капитала населения региона // Університетські наукові записки: Часопис Хмельницького університету управління та права. 2011. № 2. С. 205–206.

[4] Смит М.К. Социальный капитал для начинающих // «InformalEducations». 2007. Режим доступа: http://garyh-jet.livejournal.com/19588.html

[5] См.: Giddens A. The consequences of modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. P. 34–36; Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: Пер. с англ. М.: АСТ; Ермак, 2004. С. 52; Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Пер. с англ. М.: АСТ, Ермак, 2004. С. 52.

[6] См.: Сергеев В.М., Кузьмин А.С., Нечаев В.Д., Алексеенкова Е.С. Доверие и пространственное взаимодействие социальных сетей // Политические исследования. 2007. №2. Режим доступа: http://www.politstudies.ru/fulltext/2007/2/2.htm

[7] Галиуллин Д.Л. Социальное доверие и социальный капитал в региональной политике развитии // Вестник ТОГУ. 2009. №2 (13). Режим доступа: http://www.khstu.ru/vestnik/articles/282.pdf

[8] Звоновский В. Повседневное безличное доверие как фактор хозяйственной деятельности // Социальная реальность. 2008. №7. Режим доступа: http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=541

[9] Полищук Л., Меняшев Р. Миф о социальном капитале России // Forbes. Режим доступа: http://www.forbes.ru/-column/54307-mif-o-sotsialnom-kapitale-rossii

[10] См. подробнее: Реутов Е.В., Колпина Л.В. Социоэкономические детерминанты социального капитала населения региона // Університетські наукові записки: Часопис Хмельницького університету управління та права. 2011. № 2 . С. 459–469.

[11] Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума // Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_51kv.htm

[12] Россияне о своей жизни и материальном положении // Режим доступа: http://www.levada.ru/03-07-2012/rossiyane-o-svoei-zhizni-i-materialnom-polozhenii

[13] Штейнберг И. Психология неэквивалентных обменов в сетях социальной поддержки городских и сельских семей // Полит.ру. Режим доступа: http://www.polit.ru/article/2005/05/26/steinberg/